

7 марта 1987 г.

Меридианы дружбы

ОЧАРОВАНИЕ ДОНЕСЕНИЯ

Помню первую встречу с Нани. Произошла она не в затанцовой громаде концертного зала, а более обыденно — в домашней обстановке чуть ли не со стаканом чая в руках перед экраном телевизора. Причем, телеэкраном начала 60-х годов: еще не цветным и не столь впечатляюще огромным. В старинном кресле у камина сидела молодая красивая женщина и пела романсы и песни о любви. Голос ее — грудной, низкий, сочный, я бы добавила, безупречный, — покорила сразу. Легкий грузинский акцент не только не портил впечатления, но, наоборот, сообщал исполнению новые краски и углублял воздействие на душу. В глаза бросались поразительный вкус, такт, с каким преподносились романсы, и та целомудренность, какая всегда была свойственна Кавказу в передаче любовных томлений. Мягкость, эlegантность, красота — такова была манера пения Нани.

Нани Брегвадзе. Я невольно запомнила это имя. Да и как было не запомнить, ведь очарование такого исполнения живет еще долго.

Потом я слышала Нани в залах Москвы, в частности, в Центральном доме литераторов имени Фадеева, откуда вынесла после концерта еще и любовь к Медее Гонглиашвили, не менее очаровательному аккомпаниатору Нани. Редкую музыкальность Гонглиашвили, ее большой импровизаторский дар нельзя было не заметить.

И вот теперь, уже в самом зените зрелых лет, в белой пене наряда, дополненного белым же пушистым мехом, стоя на сцене перед черной глубоководной гладью рояля, Нани вновь — в который раз за жизнь! — поет о невозвратных мгновениях любви и о снегопаде. И поет так, что каждому сидящему в зале ясно: она соотносит все это с собственным опытом жизни (а ведь только так можно донести песню до

другого сердца). Правда, она и раньше пела так же хорошо и проникновенно, и все же годы привнесли в ее искусство еще и особую выразительность сдержанности.

Можно ли передать словами музыкальность, интонацию, богатство обертонов? Я еще не встречала словесных описаний, которые были бы равны тому воздействию на зал, когда в него упадает тишина после только что отзвучавшей талантливо исполненной песни. И не потому, что бедны слова, а потому, что человеческий голос может все, и нет в природе краски, которая не была бы ему подвластна. И как идет гортанность исполнения Нани ее грузинским песням, которые, как все неизвестное (слова ведь непонятны), особенно пленяет. Но в русских романсах, в которых слышится порой очень явственный отзвук цыганских костюмов и цыганских напевов, Нани столь же гортанна, если так можно выразиться. И это усиливает очарование. Дочь Кавказа, одного из его самых цветущих краев, она, привносит в разрывающие сердца слова романсов мягкость, красоту и тепло своей земли. С детства знакомый каждому романс становится в ее устах изделем ювелира, поражающим богатством инкрустации. Как благородная чернь старого серебра тонкой изящной работы, проходят перед нами лучшие из этих небольших шедевров.

Русский городской романс! За век — полтора он прошел тот путь шлифовки, какой раньше проходили народные песни за тысячелетия. Он обрел свое лицо и, к счастью, не застыл в одном единственном исполнительском каноне. Романсы, которые пела Обухова, и те, которые поет Нани, разнятся не только словами и музыкой. Они разнятся самой душой исполнения, и я затрудняюсь сказать, какая из этих манер более пронзает.

Романс — это всегда о

любви. Чаще всего о любви ушедшей. Это томление души о невозвратном или несбывшемся. Воспоминательная песня. А так как мы все любим или любили... И так как это самое сильное, самое жгучее из человеческих чувств, то каждый из нас знает, как отблагодарить певца, если тот талантлив. Аплодисментами, долгими, благодарно — несмолкающими. И чуткое музыкальное ухо исполнителя хорошо различает в этом громаде оваций и их длительность, и восторженность, и весь трепет нашего сердца, вложенный в удар двух ладоней. Различает оно и то, как нам понравился рисунок, приданный романсу зрелым мастером, и то, как отреагировали мы на небесное, запредельное пиано в словах о разлуке, которое нельзя отработать на репетициях, а можно только выдохнуть в импровизации и на подъеме вдохновения перед лицом зала. Все чутко улавливает ухо исполнителя.

«Снегопад» безвременно ушедшего Алексея Экимяна (Брегвадзе, Экимян — как вновь не порадоваться союзу наших культур) не объявлялся специально. Да и что тут было объявлять? Это песня Нани, песня, навечно закрепленная за ней, как есть песни, закрепленные за Эдит Пиаф, Морисом Шевалье, Клавдией Шульженко. Песнь, родившаяся в звездный час и сразу же нашедшая зрелую Нани, которая всем опытом своей жизни — и актрисы, и женщины — не могла на нее не откликнуться. Таков путь рождения шедевра.

И вновь у сверкающего звучной музыкальной глубиной черного лака рояля стоит красивая женщина со смоляными волосами в черном бархате наряда, который прекрасно оттеняет лучистую тонкую змейку колье. Вкус ее безупречен, искусство ее выше всяких похвал. Это гордость Грузии — Нани Брегвадзе.

Н. СААКЯН.